

Иеродиакон АНДРОНИК (Трубачев)

К 100-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СВЯЩЕННИКА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО (1882—1943)

22 января 1982 года исполнилось 100 лет со дня рождения профессора Московской Духовной Академии, богослова, мыслителя и ученого-энциклопедиста священника Павла Александровича Флоренского. Его многочисленные работы, некоторые из которых были опубликованы лишь в последние 15 лет, проложили пути в самых различных областях человеческого знания: Богословие и история философии, филология и этнография, искусствоведение и история, физика и математика, электротехника и биология равно находили свое место в исследованиях отца Павла. Для него самого, впрочем, не существовало дробления единого знания на привычные нам разделы. Уникальность работ священника Павла Флоренского состоит как раз в том, что он синтезировал знания самых различных областей в единое. Для отца Павла это было не искусственным процессом, а природным даром, развитым еще в детстве.

В автобиографической заметке для энциклопедического словаря «Гранат» священник Павел Флоренский указывал, что свою жизненную задачу он понимает «как проложение путей к будущему цельному мировоззрению» (Энциклопедический словарь русского библиографического института «Гранат», изд. 2-е, т. 44. М., 1927, с. 143).

Биографические сведения, предваряющие «Указатель печатных трудов священника Павла Флоренского», должны: 1) помочь исследователю творчества отца Павла изучать его работы в конкретной связи с фактами его жизни и историческими условиями; 2) показать общественную позицию отца Павла, его сознательное и активное участие в культурном и научно-техническом строительстве страны после Октябрьской революции 1917 года.

Священник Павел Флоренский родился 9 января 1882 года около местечка Евлах Елисаветпольской губернии (ныне Азербайджан), где его отец, инженер путей сообщения, Александр Иванович Флоренский (30 сентября 1850 — † 22 января 1908), строил участок Закавказской железной дороги. Вся семья жила в товарных вагонах на месте будущей станции.

А. И. Флоренский, сын врача, был русским, костромичом. Мать, Ольга Павловна, урожденная Сапарова (Сапарьян; 25 марта 1859 — † 30 октября 1951), происходила из древнего и культурного армянского рода, поселившегося в Грузии. В числе ее предков были и грузины. Кроме Павла, в семье Флоренского было еще 6 детей: Юлия, врач-психиатр; Александр, геолог-минералог, искусствовед; Ольга, художница,

поэтесса; Елизавета, художница, педагог; Андрей, военный инженер; Раиса, художница.

«Отец мой, — писал священник Павел Флоренский в «Автобиографии» 1927 года, — в раннем детстве потерял своих родителей и еще мальчиком должен был существовать собственным заработком. Родители матери тоже скончались до моего рождения. Из родственников со стороны отцовской у нас была только сестра отца [Юлия], жившая на его иждивении, и сёстры матери, тоже жившие большей частью при нас [Рипсимия, Елизавета, София, Варвара].

Семья наша была велика (7 детей и несколько теток) и жила исключительно на жалованье отца. Материальное положение семьи стало улучшаться лишь в последние годы жизни отца, который умер в 1908 году.

Отчасти по недостаточной обеспеченности, отчасти по убеждению родителей, семья жила очень замкнуто и серьезно: развлечения и гости были редким исключением, но зато в доме было много книг и журналов, на что урезывалось от необходимого. Уровень семьи был повышенно-культурный, с разносторонними интересами, причем предметом интересов были знания технические (отец), естественнонаучные (дети) и исторические (отец, мать и отчасти все). Люди, с которыми соприкасались мы, были по преимуществу сослуживцы отца или товарищи его по гимназии.

Детство я провел сперва в Тифлисе и в Батуме, где отец строил военную Батумо-Ахалцыхскую дорогу, затем снова в Тифлисе.

Относительно моего интеллектуального развития правильный лишь формально ответ был бы совсем неверен по существу. Почти всё, что приобрел я в интеллектуальном отношении, получено не от школы, а

Священник Павел Александрович Флоренский, 1932 г.

скорее вопреки ей. Много дал мне отец лично. Но, главным образом, я учился у природы, куда старался выбраться, наскоро отделавшись от уроков. Тут я рисовал, фотографировал, занимался. Это были наблюдения характера геологического, метеорологического и т. д., но всегда на почве физики. Читал я и писал тоже нередко среди природы. Страсть к знанию поглощала все мое внимание и время [...] Мальчиком я делал самостоятельные работы по физике, и часть моих выводов не лишена, мне кажется, некоторого значения и по сей день. Гимназия давала слишком мало, разве что знание классических языков, которое я очень ценю, но и оно могло бы быть, при той же затрате времени, гораздо основательнее.

В чтении моем, несомненно, была система; но не отвлеченная, а создавшаяся самую жизнью. Чутьем я угадывал, что мне нужно и что не нужно, и не имею побуждений раскаиваться в своем выборе. Но многое, что мне было необходимо и что я искал, оставалось недоступным, так как мы жили в провинции.

Учился я во 2-й Тифлисской классической гимназии [с 1892 года]. Класс наш считался выдающимся, и из него вышло довольно много деятелей [Д. Бурлюк, А. Ельчашинов, В. Эри]. Если не ошибаюсь, в классе было получено при окончании курса 6—7 золотых медалей и вдвое серебряных. Окончил я курс первым [в 1900 году], но, думаю, по недоразумению, т. к., занимаясь каждый день до 12 часов ночи своими делами, я довольно пренебрежительно отмахивался от уроков гимназических и учил их большей частью на переменах, в классное же время над партою обдумывал на бумаге постановку физических опытов.

В конце гимназического курса [летом 1899 года] я пережил духовный кризис, когда мне открылась ограниченность физического знания. В этом состоянии мною было воспринято воздействие Л. Толстого (которого ранее я игнорировал). В дальнейшем оно сказалось в стремлении понять общечеловеческое мироощущение и мировоззрение, как истинные безотносительно, в противоположность условным, и имеющим преимущественно техническое значение, истинам науки. Моя склонность к техническому применению физики была внедрена во мне моим отцом, но оформлена лишь тогда, когда наука перестала быть предметом веры. Далее из того же кризиса вышел интерес к религии».

«В эти же годы юности выросло и утвердилось коренное убеждение, что все возможные закономерности бытия уже содержатся в чистой математике, как первом конкретном, а потому доступном использованию, само-обнаружении принципов мышления — то, что можно было бы назвать математическим идеализмом; и в связи с этим убеждением явилась потребность построить себе философское миропонимание, опирающееся на углубленные основы математического познания» (из *curriculum vitae* П. А. Флоренского от 1 января 1921 года при поступлении на службу в Карболитную комиссию ВСНХ).

В 1900 году П. А. Флоренский поступил на физико-математический факультет Московского университета по отделению чистой математики. В университете он занимался преимущественно под руководством профессоров Н. Б. Бугаева, Б. Н. Млодзеевского, Л. К. Лахтина, Н. Е. Жуковского — по математике и механике, Лебедева и Соколова — по физике, Церасского — по астрономии. «Но и в университете, — писал священник Павел Флоренский, — главное значение для меня имели не лекции, а собственные занятия в библиотеке, причем в каж-

дом вопросе моим стремлением было углубиться в него до конца наличных возможностей». Параллельно П. А. Флоренский слушал лекции на историко-филологическом факультете у профессоров С. Н. Трубецкого и Л. М. Лопатина и занимался у них в семинарах. В университете П. А. Флоренскому принадлежала инициатива организации студенческого математического кружка при Московском математическом обществе под руководством Н. Е. Жуковского, помощником которого как председателя он являлся. На историко-философском факультете П. А. Флоренский участвовал в организации историко-философского общества. Кандидатское сочинение П. А. Флоренский писал на самостоятельную намеченную тему «Об особенностях плоских кривых как местах нарушений прерывности». Это сочинение он предполагал сделать частью большой работы общеполитического характера «Прерывность как элемент мировоззрения». В 1904 году П. А. Флоренский окончил университет с дипломом I степени. Несмотря на предложение Н. Е. Жуковского и Л. К. Лахтина остаться в университете на кафедре математики, П. А. Флоренский 4 сентября 1904 года поступил в Московскую Духовную Академию. Здесь он занимался символической логикой, теорией познания, историей философского религиозного мировоззрения, археологией, еврейским языком, организовал философский кружок, в котором прочел ряд докладов. «Мои занятия математикой и физикой, — писал священник Павел Флоренский, — привели меня к признанию формальной возможности теоретических основ общечеловеческого религиозного мирозерцания (идея прерывности, теория функций, числа). Философски же и исторически я убедился, что говорить можно не о религиях, а о религии, что она есть неотъемлемая принадлежность человечества, хотя и принимает бесчисленные формы. Привыкнув с детства к уединенной жизни среди природы и в кабинете, я нашел в Сергиевском Посаде все благоприятные условия для научной работы, за исключением одного, лабораторин, которую старался частично возместить разными суррогатами». Духовное возрастание П. А. Флоренского проходило под руководством епископа Антония (Флоренсова; † 20 февраля 1918) и старца Гефсиманского скита иеромонаха Исидора (Грузинского; † 3 февраля 1908) (см. о них: Иеродоник *Андроник*. Епископ Антоний (Флоренсов) — духовник священника Павла Флоренского. — «Журнал Московской Патриархии», 1981, № 9, с. 71—77; № 10, с. 65—73; «Соль земли, то есть Сказание о жизни Старца Гефсиманского скита Иеромонаха Аввы Исидора, собранное и по порядку изложенное недостойным сыном его духовным Павлом Флоренским». Сергиев Посад, 1909).

Курс Московской Духовной Академии П. А. Флоренский окончил первым. Кандидатское сочинение П. А. Флоренского «О религиозной Истине» легло в основу его магистерской диссертации. 23 сентября 1908 года после прочтения двух пробных лекций (17 сентября — «Космологические антиномии Канта», Сергиев Посад, 1909; «Общечеловеческие корни идеализма», Сергиев Посад, 1909) П. А. Флоренский был утвержден исправляющим должность доцента Московской Духовной Академии по кафедре истории философии (впоследствии названной им кафедрой истории мировоззрений).

25 августа 1910 года П. А. Флоренский вступил в брак с Анной Михайловной, урожденной Гиацинтовой (31 января 1889—† 18 марта 1973), происходившей из Рязанской губернии.

23 апреля 1911 года П. А. Флоренский был рукоположен ректором Академии епископом Волоколамским Феодором в сан диакона, а на следующий день — в сан священника к Благовещенской церкви с. Благовещенье в 2,5 километрах к северо-западу от Троице-Сергиевой Лавры. С всенощной под Воздвижение Честного Креста 1912 года священник Павел Флоренский служил в Сергиево-посадской церкви убежища (приюта) сестер милосердия Красного Креста.

За время преподавания в Московской Духовной Академии (1908—1919) священник Павел Флоренский создал ряд оригинальных курсов по истории античной философии, философии культа, кантовской проблематике, лишь некоторые разделы которых были опубликованы (Пределы гносеологии. — «Богословский вестник», 1913, т. 1, № 1, с. 147—174; «Смысл идеализма». Сергиев Посад, 1915; «Первые шаги философии». Сергиев Посад, 1917). Оценивая вклад священника Павла Флоренского в изучение платонизма, один из лучших знатоков античной культуры, А. Ф. Лосев, писал, что он «дал концепцию платонизма, по глубине и тонкости превосходящую всё, что когда-нибудь я читал о Платоне [...] Его имя должно быть названо наряду с теми пятью-шестью именами, которые знаменуют собой основные этапы понимания платонизма во всемирной истории философии вообще [...] Новое, что вносит Флоренский в понимание платонизма, это — учение о лике и магическом имени. Платоновская Идея — выразительна, она имеет определенный живой лик. Как на портрете или в статуе художник вызывает в нас чувство живого движения путем различной трактовки разных частей лица или туловища, так и Платоновская Идея есть живой лик, отражающий в игре световых лучей, исходящих из него, свою внутреннюю, сокровенную жизнь. Такое понимание Платоновской Идеи дало возможность Флоренскому близко связать ее с интуициями статуи и, в частности, с изображениями богов и употреблением их в мистериях. Понимание Флоренского воистину можно назвать мифологическим и в полном смысле магическим пониманием, потому что ни Гегель, ни Наторп, давшие до Флоренского наиболее яркие и ценные концепции платонизма, не дошли до Идеи как самостоятельного мифа, как лика личности, а только дали — самое большее — логическую структуру мифа. Это, конечно, тоже необходимо. Но всё же диалектика мифа не есть еще мифология, и смысл мифа не есть сам миф. Узрение смысла мифа не есть еще творческое узрение самого мифа. Символически-магическая природа мифа — вот то подлинно новое, почти небывалое, что Флоренский вносит в мировую сокровищницу различных историко-философских учений, старающихся проникнуть в тайны платонизма. Замечу, кроме того, что взгляды Флоренского на Платона развивались вне всякой зависимости от каких бы то ни было учений о Платоне на Западе» (Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1930, с. 680).

28 сентября 1912 года священник Павел Флоренский был назначен редактором издававшегося при Московской Духовной Академии журнала «Богословский вестник», который он возглавлял по 3 мая 1917 года. Говоря о направлении «Богословского вестника» за этот период, следует отметить, что, сохраняя церковность и традиционную академичность, журнал публиковал много материалов по общекультурным вопросам: в нем органически находили свое место статьи богословского, философского, церковноисторического, литературного, общественного

и даже математического характера. В этом, несомненно, сказалась направленность интересов самого редактора. Как редактор «Богословского вестника» священник Павел Флоренский организовал в журнале целый ряд архивных публикаций. Большая часть этих публикаций может рассматриваться ныне как первоисточники, а тщательность, с какой они были выполнены, и сопроводительный научный аппарат ставят «Богословский вестник» 1912—1917 годов в ряд лучших археографических журналов. Среди сотрудников «Богословского вестника», сообщавших и готовивших материалы, были также женщины, что являлось необычным в то время для богословского журнала.

В годы афонских споров об Имени Божием вокруг священника Павла Флоренского сплотивился круг богословов (ректор МДА епископ Феодор, М. Д. Муретов, С. Н. Булгаков, В. Ф. Эрн, М. А. Новоселов, Вл. А. Кожевников), которые мужественно защищали имение как церковное учение.

19 мая 1914 года священник Павел Флоренский на Совете Московской Духовной Академии защитил магистерскую диссертацию «О духовной Истине. Опыт православной Теодицеи» (М., 1912). 27 августа он был утвержден в ученой степени магистра богословия и звании экстраординарного профессора Московской Духовной Академии по кафедре истории философии. В том же году вышел самый известный труд священника Павла Флоренского «Столп и утверждение Истины. Опыт православной Теодицеи» (М., 1914), который представлял 3-й переработанный вариант кандидатского сочинения. И диссертация, и книга 1914 года получили самую высокую оценку такого строгого рецензента, как ректор Академии епископ Волоколамский Феодор. В частности, он писал: «Как огласительное слово для стоящих «во дворе церковном», а так просит смотреть на его книгу сам автор (5 стр.), книга выполнена прекрасно... Как Феодицея, книга о. Павла может удовлетворить самый требовательный вкус, изощренный в философии и богословии... Как труд богословско-философский, книга автора от начала до конца православна... Книга о. Павла высоко научная; трудно сказать, в какой области научного знания автор не проявил себя специалистом в этой книге. Он прекрасно знает античную философию и античный мир; в совершенстве изучил новую философию, показал себя филологом и математиком, проявил громадную начитанность и в святоотеческой литературе, в литературе богословской, иностранной и русской... Читая книгу автора, чувствуешь, что вместе с нею растешь духовно, а не только приобретаешь знание в какой-нибудь области; да до нее и нужно дорасти, чтобы понять» (Епископ Феодор. «О духовной Истине. Опыт православной Феодицеи» («Столп и утверждение Истины») св. П. Флоренского. Сергиев Посад, 1914, с. 42—44).

С 24 января по 23 февраля 1915 года отец Павел ездил на фронт как священник санитарного поезда Красного Креста Черниговской губернии.

«В то время, когда [...] в церковных кругах возникали одна за другою, хотя и эфемерные, церковно-политические организации, отец Павел оставался им чужд, — по равнодушию ли своему вообще к земному устройству, или же потому, что голос вечности вообще звучал для него сильнее зовов временности. Обновленческое движение в среде русского духовенства, позднее выродившееся в живоцерковство, никогда не находило для себя отзыва в отце Павле, как ни страдал он от всей

косности нашей церковной жизни. Его христианство не было также и «социальным», хотя тогда уже вокруг него и возникали разные его течения. Но это было в нем менее всего простым охранительством, эта внешняя оболочка соединялась с пламенным горением огненного духа, хотя и с тихим светом, из него излучавшимся. Потому он не был потрясен и тем изменением отношения Церкви и государства, которое наступило после революции» (Протонерей Сергей *Булгаков*. Священник отец Павел Флоренский).

Священник Павел Флоренский еще до революции много писал о глубоком кризисе буржуазного мира, часто говорил о надвигавшемся крушении привычных устоев. В то время, как для многих и многих ученых, специалистов и деятелей культуры, была видна лишь «разруха» в стране, священник Павел Флоренский пафос жизни полагал в строительстве новой культуры. Принципиальная позиция и глубокий патриотизм позволили отцу Павлу после революции остаться вместе с народом, чтобы сознательно и активно участвовать в развернувшемся культурном и научно-техническом строительстве в стране.

22 октября 1918 года П. А. Флоренский был приглашен в Комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры. Комиссия была образована для проведения в жизнь постановления Отдела по делам музеев Наркомпроса от 1 ноября 1918 года о национализации Лавры как имеющего общегосударственное значение хранилища художественных и исторических ценностей. Кроме П. А. Флоренского, который являлся ученым секретарем Комиссии и хранителем ризницы Троице-Сергиевой Лавры, в Комиссии состояли Ю. А. Олсуфьев (товарищ председателя, затем председатель), И. Е. Бондаренко и Н. Д. Протасов (представители Отдела по делам музеев), М. В. Боскин, П. Н. Каптерев, Т. Н. Александрова-Дольник, С. Н. Дурюлин, С. П. Мансуров, М. В. Шик, а впоследствии Н. М. Щекотов и А. С. Свириин.

П. А. Флоренский принимал непосредственное участие в приеме и описании икон, панатий и серебра ризницы Троице-Сергиевой Лавры, музея Московской Духовной Академии и музея в покоях митрополита Платона. Он много сделал для организации охраны памятников в окрестностях Сергиева Посада и других культурных центрах, в особенности в Абрамцеве, куда неоднократно сам выезжал. Развивая проект музея Троице-Сергиевой Лавры, составленный 9 декабря 1918 года П. А. Флоренским и П. Н. Каптеревым, Комиссия заложила новые принципы советского музейного дела, когда музей, обладающий самыми различными по типу и хронологии коллекциями предметов, рассматривается как единое целое (см.: *Николаева Т. В.* Русское прикладное искусство Московской Руси. М., 1976, с. 14—15; *Вздорнов Г. И.* Троица Андрея Рублева. Антология. М., 1981, с. 53).

В результате деятельности Комиссии по охране Лавры было принято и научно описано огромное историко-художественное богатство Лавры и спасено национальное достояние неизмеримой духовной и материальной ценности. Деятельность Комиссии подготовила условия для Декрета «Об обращении в музей историко-художественных ценностей Троице-Сергиевой Лавры» от 20 апреля 1920 года, подписанного председателем Совнаркома В. И. Лениным (СУР, 21 апреля 1920 года, № 27, с. 133). После создания Сергиевского историко-художественного музея П. А. Флоренский был назначен 14 сентября 1920 года экспер-

том музея по серебру и художественному металлу. С мая 1920 года П. А. Флоренский участвовал в работе византийской секции Московского института историко-художественных изысканий и музееведения (МИХИМ) при Российской Академии Истории материальной культуры Наркомпроса, а также в работах по организации Русского (ныне Государственного) Исторического музея.

В 1919—1921 годах П. А. Флоренский вел уроки физики на младших курсах Сергиевского института народного образования; на старших курсах он разработал и читал лекции по дисциплинам, тогда почти не имевшим литературы: методика (дидактика) геометрии, энциклопедия математики, астрономия, история материальной культуры. Одновременно он заведовал физическим кабинетом.

В 1919 году П. А. Флоренский сделал ряд докладов во Всероссийской ассоциации инженеров и Русском обществе инженеров, летом 1920 года работал совместно с проф. И. Ф. Огневым в гистологическом институте при Московском университете над применением ультра-микроскопа особого типа. В 1920—1921 годах П. А. Флоренский был командирован на Высшие научно-исследовательские курсы, и с тех пор его деятельность протекала преимущественно в индустриальной, политехнического характера области.

С 1920 года П. А. Флоренский начал работать на московском заводе «Карболит», сначала в качестве консультанта, а затем заведующего испытаниями продукции завода и заведующего научно-техническими исследованиями. Это был один из первых в стране заводов по изготовлению пластмасс, который работал на отечественном сырье. Деятельность завода была связана с проведением плана ГОЭЛРО. После закрытия московского отделения завода П. А. Флоренский перешел на исследовательскую работу в Главэлектро ВСНХ РСФСР. 21 января 1921 года он поступил в Карболитную комиссию ВСНХ, где заведовал научно-техническими исследованиями. В техническом (впоследствии промышленном) отделе Главэлектро ВСНХ П. А. Флоренский был с 16 июня 1921 года консультантом «по расчетам, относящимся к высоковольтной технике, а также по выработке способов внутреннего исследования изоляционных материалов», впоследствии занимал должность ученого заведующего секцией высоковольтной техники. В химическом отделе Главэлектро ВСНХ П. А. Флоренский работал как математик. В то же время он вел экспериментальные работы в Государственном экспериментальном электротехническом институте (ГЭЭИ), а затем стал заведующим лабораторией испытания материалов (впоследствии отдел материаловедения) ГЭЭИ, которую сам создал (см.: *Флоренский П.* Вопросы электроматериаловедения во Всесоюзном электротехническом институте (ВЭИ). — «Социалистическая реконструкция и наука», 1932, № 8, с. 194—209).

В 1921 году П. А. Флоренский был избран профессором Высших художественно-технических мастерских (Вхутемас) по кафедре «Анализа пространственности в художественных произведениях» на печатно-графическом факультете. «Эту дисциплину, — писал он, — надо было создавать, воспользовавшись данными математики, физики, психологии и эстетики. Как всегда в моей жизни, трудность работы лишь привлекала меня, и в течение 3-х учебных годов я разрабатывал эту дисциплину и написал соответствующий курс». Кроме курса лекций, П. А. Флоренский к 5 февраля 1924 года подготовил к печати отдельную работу

«Анализ пространственности в художественно-изобразительных произведениях».

Преподавание во Вхутемасе было связано с сотрудничеством в литературно-художественном объединении «Маковец» (см. о «Маковце» В. П. Лапшин. Из истории художественной жизни Москвы 1920-х годов. «Маковец». — «Советское искусствознание — 79», вып. 2, М., 1980). Связи эти укреплялись тем обстоятельством, что сестра, Ранса Александровна Флоренская, училась во Вхутемасе и участвовала на выставках «Маковца». В те годы П. А. Флоренский стал особенно близок с такими художниками, как В. А. Фаворский, И. С. и Н. Я. Ефимовы, В. А. Комаровский, П. Я. Павлинов (см. И. С. Ефимов. Об искусстве и художниках. М., 1977).

К 1918—1925 годам относится создание отцом Павлом ряда работ, разрабатывающих проблематику антроподицен. Сюда надо отнести работу под общим заглавием «Философия культа», которая состояла из лекций, прочитанных в мае—июне 1918 года в Москве, и сходных по тематике разделов, написанных в 1919—1922 годах (опубликовано: «Из богословского наследства», — «Богословские труды», сб. 17. М., 1977, с. 85—248; «Иконостас». — «Богословские труды», сб. 9. М., 1972, с. 80—148), а также объявленный в 1922 году труд «У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики)».

В ряде набросков и работ 20-х годов священник Павел Флоренский писал по экуменическим вопросам, подверг резкой критике обновленческие тенденции к изменению Богослужения. В церковно-общественной жизни того периода священник Павел Флоренский не участвовал, сохраняя каноническую верность Святейшему Патриарху Тихону, а впоследствии его Местоблюстителю Митрополиту Сергию.

С середины 20-х годов работы П. А. Флоренского почти полностью сосредотачиваются в области электротехники. В 1924 году он был избран членом Центрального электротехнического совета Главэлектро ВСНХ СССР и начал работать в Московском объединенном комитете электротехнических норм и правил (МОКЭН). Он также занимался экспериментальной и научно-исследовательской работой в связи с деятельностью в Особом совещании по улучшению качества продукции. 30 сентября 1924 года вышел один из основных трудов П. А. Флоренского в области электротехники: «Диэлектрики и их техническое применение. Часть I. Общие свойства диэлектриков». Книга получила высокую оценку специалистов.

В 1924 году П. А. Флоренский участвовал в VIII электротехническом съезде, 24 марта 1925 года был назначен старшим инженером лаборатории испытания материалов. Летом 1925 года был командирован от ГЭЭИ на Кавказ для изучения возможности производства плавленного базальта.

Исследовательские работы П. А. Флоренского направлялись в основном на поиски новых материалов, необходимых для передачи электроэнергии высокого напряжения на большие расстояния. Решение этой задачи было жизненно необходимо для подъема промышленности в стране. Особое внимание П. А. Флоренский уделял тому, чтобы новые материалы изготовлялись из отечественного сырья. Это давало экономию и ликвидировало зависимость от внешнего рынка.

9—11 ноября 1926 года П. А. Флоренский участвовал как представитель ГЭЭИ в Совещании по источникам тока. 12 декабря 1926 года

П. А. Флоренский выступал с докладом в Ленинграде в Русском техническом обществе на торжественном собрании, посвященном 50-летию электрической свечи Яблочкова. С 1927 года П. А. Флоренский являлся редактором «Технической энциклопедии» (тт. 1—27. М., 1927—1934) и автором 127 статей в ней.

Летом 1928 года П. А. Флоренский работал в Нижегородской радиолaborатории с мастерскими, созданной в 1918 году под руководством М. А. Бонч-Бруевича. После возвращения из Нижнего Новгорода П. А. Флоренский был восстановлен в должности заведующего отделом материаловедения ГЭИ (затем Всесоюзный электротехнический институт — ВЭИ).

15—19 мая 1929 года П. А. Флоренский принял участие в 1-й Всесоюзной конференции по электроизолирующим материалам, проходившей в Москве. 5 января 1930 года П. А. Флоренский был назначен помощником директора Всесоюзного электротехнического института К. А. Круга по научной части. Продолжая заведовать отделом материаловедения, он возглавил также отделы: вакуум-технический, рентгено-технический, измерительный, свето-технический. 20—24 февраля 1931 года П. А. Флоренский участвовал в работе 2-й Всесоюзной конференции по электроизолирующим материалам. П. А. Флоренский являлся членом Президиума Бюро по электроизолирующим материалам Всесоюзного энергетического комитета. Летом 1931 года в связи с работами в ВЭИ П. А. Флоренский совершил командировку для исследования месторождений полезных ископаемых в следующие районы: Мариуполь (графит), Керчь (железная руда), Тифлис, Чиатур (марганец). 27 февраля 1932 года Редакционно-издательский сектор управления военных воздушных сил РККА заключил с П. А. Флоренским договор на издание «Курса электротехнического материаловедения (для электро- и радиотехников)». Часть лекций была подготовлена к печати. 4 мая 1932 г. П. А. Флоренский был включен в Комиссию по стандартизации научно-технических обозначений, терминов и символов (при Комитете по стандартизации) при Совете Труда и Обороне СССР.

Многочисленные изобретения и открытия П. А. Флоренского в различных областях науки и техники имели важное значение в развитии народного хозяйства СССР и укреплении обороноспособности страны.

С 1 декабря 1933 года П. А. Флоренский работал на Сковородинской мерзлотной научно-исследовательской станции. Исследования и наблюдения научной группы станции, в которую входил П. А. Флоренский, легли в основу книги Н. И. Быкова и П. Н. Каптерева «Вечная мерзлота и строительство на ней» (М., 1940). В Сковородино П. А. Флоренский написал лирическую поэму «Оро». Получив ряд ценных достижений при исследовании вечной мерзлоты, он думал посвятить остаток своей жизни изучению этих явлений.

С осени 1935 г. по июнь 1937 г. П. А. Флоренский занимался вопросами добычи йода и агар-агара из морских водорослей на Соловецком заводе йодной промышленности, в чем он также сделал ряд научных открытий. Весной 1936 года П. А. Флоренский там же на курсах йодных мастеров читал лекции по технологии и химии водорослей.

В то время П. А. Флоренский писал: «Я не принимаю участия в современных работах по физике. Но ведь это не только потому, что я не в Москве. Дух современной физики, с ее крайней отвлеченностью от конкретного явления и подменой [физического] образа аналитически-

ми формулами, чужд мне. Я весь в Гете-Фарадеевском мироощущении и миропонимании [...] Физика будущего должна пойти по иным путям — конкретного образа. Она должна пересмотреть свои основные позиции, а не расти путем заплат на мышлении явно обветшавшем. Нет, и в Москве я не принял бы участия в работах, в современных работах, по физике, а стал бы заниматься космофизикой, общими началами строения материи, но как она дана в действительном опыте, а не как ее отвлеченно конструируют из формальных посылок. Ближе к действительности, ближе к жизни мира — таково мое направление. Ведь не без причины я ушел в свое время в электротехническое материаловедение» (из письма 23—25 апреля 1936 года). «Меня вновь одолевают замыслы построить новую дисциплину — морфометрию, и основу ее в общей форме, мне кажется, я нащупал» (из письма 4 апреля 1937 года). «Наша водорослевая эпопея на днях кончается, чем буду заниматься далее — не знаю, может быть, лесом, т. е. хотелось применить в этой области математический анализ. Окончание работ по водорослям естественно: ведь в моей жизни всегда так, раз я овладел предметом, приходится бросать его по независящим от меня причинам и начинать новое дело, опять с фундаментов, чтобы проложить пути, по которым не мне ходить. Вероятно, тут есть какой-то глубокий смысл, если это повторяется на протяжении всей жизни — наука бескорыстия, но все же это утомительно. Если бы я собирался жить еще сто лет, то такая судьба всех работ была бы лишь полезна» (из письма 11—13 мая 1937 года).

Скончался отец Павел 15 декабря 1943 года. До последних дней священник Павел Флоренский оставался верным сыном Церкви и Родины и отдавал все силы на служение народу. Всегда оставаясь самим собой, он считал своим долгом направлять силы туда, где они могли принести наибольшую пользу для Родины в данный момент. Искренний патриотизм отца Павла и его честная общественная позиция заслужили глубокое уважение во всем мире.

С конца 60-х годов в нашей стране начали публиковаться неизданные работы священника Павла Флоренского, которые получают высокое международное признание. Его труды в самых различных областях знания всегда открывают новое в познании мира и имеют непреходящее общекультурное значение. Статьи о нем вошли в крупнейшие советские и зарубежные энциклопедии (Энциклопедический словарь «Гранат», 2-е изд. Т. 44, М., 1927, с. 143—144; Философская энциклопедия. Т. 5, М., 1970, с. 377—379; Большая Советская энциклопедия, 3-е изд. Т. 27, М., 1977, с. 496; Краткая литературная энциклопедия. Т. 9, М., 1978, с. 760—762; Всеправославная религиозно-нравственная энциклопедия. Т. 11, Афины, 1967, с. 1977—1983; Новая католическая энциклопедия. Т. 5, Рим, 1967, с. 974).

В конце своей жизни отец Павел, подводя итоги, составил список важнейших вопросов и областей, в которых он трудился:

«В математике: 1. Математические понятия как конститутивные элементы философии (прерывность, функции и пр.). 2. Теория множеств и теория функций действительного переменного. 3. Геометрические мнимости. 4. Индивидуальность чисел (число — форма). 5. Изучение кривых *in concreto*. 6. Методика изучения формы.

В философии и истории философии: 1. Культовые корни начатков философии. 2. Культовая и художественная основа категорий. 3. Анти-

Силуэт священника Павла Флоренского, выполненный Н. Я. Симонович-Ефимовой
Середина 1920-х годов

номии рассудка. 4. Историко-филолого-лингвистическое изучение терминологии. 5. Материальные основы антропологии. 6. Реальность пространства и времени.

В искусствоведении: 1. Методика описания и датировки предметов древнерусского искусства (резьба, ювелирные изделия, живопись). 2. Пространственность в художественных произведениях, особенности изобразительного искусства.

В электротехнике: 1. Изучение полей. 2. Методика изучения электрических материалов — основание электро-материаловедения. 3. Значение структур электроматериалов. 4. Пропаганда синтетических смол. 5. Использование различных отходов для пластмасс. 6. Пропаганда и разработка элементов деполяризации. 7. Классификация и стандартизация материалов, элементов и пр. 8. Изучение углистых минералов как одной группы. 9. Изучение ряда пород горных. 10. Систематическое изучение слюды и открытие ее структуры. 11. Изучение почв и грунтов. Йод.

Отдельно стоят: физика мерзлоты, использование водорослей (из письма 11—13 мая 1937 года). «Что я делал всю жизнь? — Рассматривал мир как целое, как единую картину и реальность, но в каждый данный момент или, точнее, на каждом этапе своей жизни, под определенным углом зрения. Я просматривал мировые соотношения на разрезе мира по определенному направлению, в определенной плоскости и старался понять строение мира по этому, на данном этапе меня занимающему признаку. Плоскости разреза менялись, но одна не отменяла другой и лишь обогащала. Отсюда непрерывная диалектичность мышления (смена плоскостей рассмотрения), при постоянной установке на мир как целое» (из письма 21 февраля 1937 года).

См. также: Иеродиакон *Андроник* (Трубачев). Основные черты личности, жизнь и творчество священника Павла Флоренского. — «Журнал Московской Патриархии», 1982, № 4, с. 12—19.

Экслибрис
священника Павла Флоренского,
выполненный Уитенгоеном, 1924 г.
Из собрания М. И. Чуванова

Экслибрис священника Павла Флоренского,
выполненный В. А. Фаворским, 1922 г.

ГЕРБ

Сонет с кодой.

Священнику П. А. Флоренскому

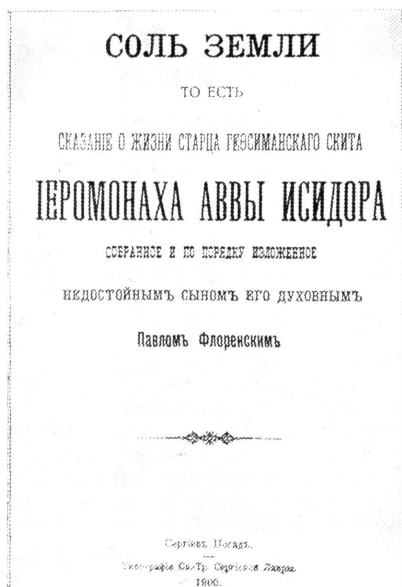
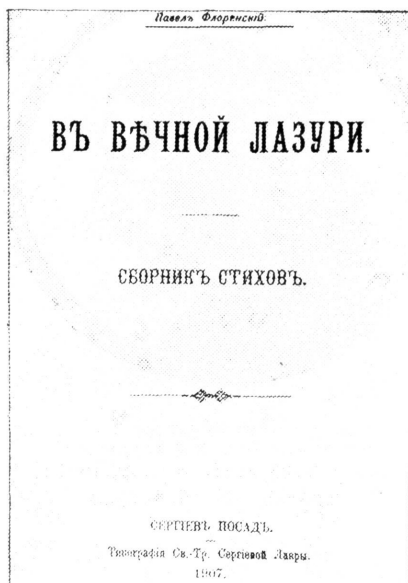
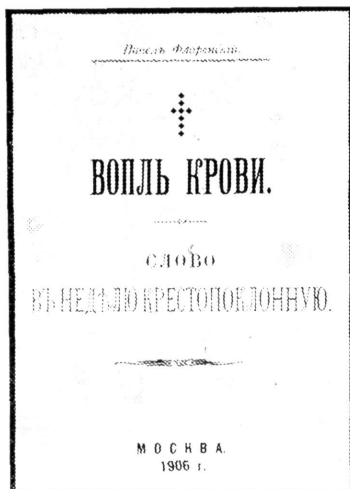
В червленном поле — странная игра:
Вот некий муж, недвижимо заклтый.
На нем блестят серебряные латы,
На шлеме — страусовых три пера.
Но от ребра и снова до ребра
Стрелою грудь пронизана крылатой. Ты,
— Герой, скажи, — свой взор стремишь куда
Подобный статуе из серебра?
— И в наши дни — не мнятся ль вечно новы
Геральдики забытые основы,
Старинных символов священный строй?
— Твой герб поистине тебя достоин!
В кровавом поле неуклонно стой,
Пронзаемый минутною стрелой,
Христовой Церкви логофет и воин!

Алексей Алексеевич
Сидоров

1918, 25-го сентября.

Экслибрис священника Павла Флоренского,
выполненный А. А. Сидоровым, 1918 г.

Обложки книг священника Павла Флоренского

Иеромонах Исидор (†3 февраля 1908)

Рисунок М. В. Боскина, 1915 г.

СТОЛПЪ И УТВЕРЖДЕНИЕ ИСТИНЫ

опытъ православной ееродици
въ двѣнадцати письмахъ
свѣщ. Павла Флоренскаго

*и др. рукопис. древнихъ рукописей.
См. Греческая Библия.*

МОСКВА
1914.

Павел Флоренский

ОПИСЬ ПАНАГИЙ

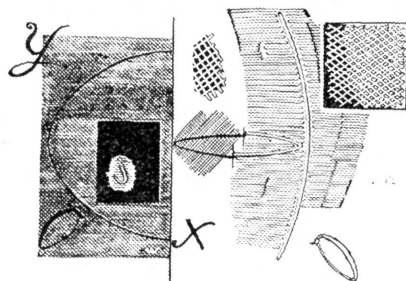
ТРОИЦЕ СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ

XII—XIX ВЕКОВ

Издание: Сергиевского Государственного
Историко Художественного Музея
1923

ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ

МНИМОСТИ В ГЕОМЕТРИИ

„ПОМОЩЬ“

Обложка книги «Мнимости в геометрии»
(М., 1922), выполнена В. А. Фаворским

ГЛАВНОЕ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В. С. Н. К.
Редакционно Издательский Отдел.

Проф. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ.

ДИЭЛЕКТРИКИ И ИХ ТЕХНИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ.

(Со 100 рисунками, чертежами и диаграммами).

Москва 1924